

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

ПЛАТА ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРОДВИНУТОСТЬ
П.К. Гречко Онтометодологический дискурс современности:
историческая продвинутость и ее вызовы. —
М.: ЛЕНАНД, 2015. — 312 с.

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

В философской традиции онтология и методология если и встречаются, то обязательно при помощи посредника и, как правило, таким посредником выступает теория познания, гносеология, эпистемология. В противном случае мы встречаемся либо с первым, либо со вторым, но никогда они не образуют столь тесного союза, как в рассматриваемой книге, в самом титуле которой появляется, как мне представляется, совершенно новый термин – «онтометодологический».

Книга П.К. Гречко видится как описание общества, в котором люди все более озабочены тем, чтобы понять, чем современное отличается от несовременного, новое от старого, своевременное от запаздывающего. В качестве концептуального средства, позволяющего анализировать современность, предлагается понятие исторической продвинутости, способной порождать как само состояние модерна, так и вызовы им обусловленные. Историческая продвинутость определяется автором как особое отношение к современности, как желание понять его и сделать главным драйвером социального бытия, а также главным зеркалом коллективного и персонального самосознания. А также как способность следовать ему или противостоять его требованиям. Как и предсказывал М. Хайдеггер, не пространство, а время открывает доступ к бытию.

Пункты, вокруг которых выстраивается анализ современной социальности, достаточно традиционны: от концептуального уровня рассмотрения автор переходит к социальному и антропологическому и завершает их обращением к историческому осмыслению полученного опыта. Концептуальные и теоретические установки определяются общим замыслом книги, обозначенным в самом ее названии и состоящим в соединении онтологической и методологической перспектив дискурс-анализа.

Первая глава посвящена выбору базовых понятий, характеризующих дискурс современности, а также их онтометодологической интерпретации. Во второй главе автор исследует возможности еще одного концептуального гибрида – понятия антропосоциальности. Соединяя человеческое и общественное, Петр Кондратьевич разбивает его на «профили» с тем, чтобы уже в третьей главе поместить его в центр композиции, име-

нуемой «историческим развитием общества». Но вначале идет разговор о методологии, как того и требует традиция анализа какого-либо явления. И автор обращается к понятию *complexity*, или сложности, которое в российской философской традиции прочно ассоциируется с синергетикой, а также с теорией культурно исторических типов от К.Н. Леонтьева и Н.Я. Данилевского до О. Шпенглера и Г.Д. Гачева. Но П.К. Гречко исследует дискурс модерна и/или дискурс о модерне, что предопределяет интерпретацию *complexity* в терминах постмодернистского понимания современного общества. «Complexity делает более четким и понятным довольно темный и невнятный постмодернистский образ ризомы... Одним из проявлений *complexity* в современной методологической мысли можно считать контекстуализм, раздвигающий узко-системные рамки исследования, артикулирующий влияние среды, того, что находится по ту сторону границ изучаемого предмета» (С. 29 – 30).

И хотя в западной литературе постмодерн довольно часто ассоциируется со сложностью, для российской философской мысли это совсем нетипично. Постмодерн, скорее, бессистемность, хаос, вседозволенность, но совсем не *complexity*, в понятийной основе которого всегда можно прочесть позитивное и конструктивное содержания. Об этом пишет и автор, подчеркивая ассоциативную значимость слов и указывая на ловушки подобных ассоциаций. «Complexity привычно ассоциируется с междисциплинарностью, – пишет П.К. Гречко. – Однако понимать ее можно по-разному, опять же современным или постмодерным образом» (С. 47). Во втором случае междисциплинарность также становится синонимом предметно-методологической и дисциплинарной неопределенности, тогда как современная междисциплинарность – реакция на «объективную» сложность феномена, которая вовсе не препятствует ее сведению к общему и простому сущностному началу.

Что общего между модерном и постмодерном, что может быть выделено в качестве общего знаменателя? Прежде всего, это общая проблема, которая по сути провоцирует эти столь разные реакции и, тем самым, конституирует альтернативные способы ее разрешения. В книге эта проблема связывается с феноменом различия, что позволяет автору отдельно рассмотреть онтологию и методологию различий, а также способы концептуализации различий и их анализа в модерном и постмодерном философских дискурсах. Делез и Фуко, Лоренц и Бейтсон, Молчанов и Аркадьев становятся теми «концептуальными персонажами», чьи дискурсы способны разграничить современное и постмодерное.

Вполне логичным выглядит обращение к диспозиционности как к средству инкорпорирования субъективности в хаотично-мозаичное пространство постмодерна. «Диспозициям, диспозиционности в нашей отечественной философии явно не повезло, – сетует автор и продолжает далее, – что же касается мировой и прежде всего, западной философской мысли, то диспозиционность в ней сегодня – один из самых эвристичных методов исследования» (С. 92). И подтверждает это, подвергая анализу онтологическую перспективу данного понятия: уходящая в Средние века или даже глубже традиция рассматривать свойства вещей как их качества

или даже модусы превратилась в настоящую проблему для методологов и логиков, занимавшихся критикой метафизики. Но постмодернисты, что называется, превратили нужду в добродетель — они увидели в неопределенности и вариативности прежде казавшейся строгой и однозначной родо-видовой схемы бытия повод для игры умозрений, манипуляции схемами сходств и различий. Возможность применения понятия диспозитивности в анализе феномена коммуникации привлекла и автора рассматриваемой здесь книги. П.К. Гречко рассматривает диспозитив коммуникации в контексте различения двух базисных модусов социального бытия — возможности и действительности, а также иные возможности собственной методологической доктрины и постепенно переходя к историческому, социальному и персоналистическому бытию человека.

Книга содержит весьма интересное сопоставление социальной, антропологической и исторической онтологий модерна. Вторая и третья главы побуждают читателя искать ответ на главный, по нашему мнению, вопрос книги: какова цена исторической продвинутости, достигаемой человеком, размышляющем о природе модерна. Но линии анализа строятся весьма нетривиально: опыт постмодернизма тематизируется через сопоставление творчества и профессионализма, а затем и первое, и второе рассматриваются в контексте различения постмодернистского и модернистского видения справедливости.

Как будто возвращаясь к проблеме труда, П.К. Гречко пытается осмыслить воистину тектонический сдвиг, произошедший в сфере отношения человека к своей работе и общества к человеку работающему. Именно этот сдвиг помогает автору понять действительный смысл постмодернистского преобразования общества, в котором не только смешались культуры, не только отменились концептуальные оппозиции. Что-то важное произошло в сфере самоидентификации — профессиональная идентичность перестала быть главным идентификатором личности.

Дискурс о справедливости также немислим сегодня без онтологизации модерна. Но если Дж. Роулз выбрал в качестве онтологической базы для раскрытия этого понятия игры и принятие решения, а Ю. Хабермас коммуникацию, то П.К. Гречко отдает предпочтение понятию человеческого достоинства. Вступая в полемику с вышеназванными авторами, он настаивает на антропологической экспликации данного понятия. «Справедливой, — пишет П.К. Гречко, — то есть подлинно человеческой, общественной жизни, коммуникативная по своей природе, может быть только в том случае, если от нее и в ней выигрывает не просто каждая из сторон, но прежде и главным образом — сторона меньшей “весовой категории”, менее преуспевшая, не столь удачная» (С. 212). Здесь видится некая переключка со вторым принципом роулзовской теории справедливости, но можно обнаружить и существенные отличия. Сама аргументация обращается не к ситуации распределения и уравнивания, а к коллективному целеполаганию, направленному на сохранение человеческого достоинства.

В третьей главе книги от исследования социального бытия автор переходит к анализу бытия исторического. И хотя сама рубрикация

выглядит достаточно традиционно — последующие исследовательские инициативы полностью опровергают преждевременные ожидания. В области исторического бытия предпринимается беспрецедентный шаг, который сам П.К. Гречко квалифицирует как опыт демаркации между эволюцией и историей. «Логика complicity требует сопряжения, интеграции, объединения, конкретно здесь — эволюции и истории. Отсюда вопрос: как быть в таком случае с их демаркационным разъединением?» (С. 217). И вот здесь в самом деле возвращается К. Маркс, помогающий автору осуществить данное разъединение. Вот уж воистину, возвращаясь к историческому бытию, мы всегда возвращаемся к историческому материализму. Плохо ли это? Вовсе нет. Диалог П.К. Гречко с традицией разворачивается на фоне производимого им самим инкорпорирования новейших социально-философских течений и концепций в структуру и содержание теоретического знания об обществе. И на этом пути он достигает немалого успеха. За кажущейся причудливостью выбранных тем кроется четкая стратегия, смысл которой видится нам в сбережении и сохранении онтологии и методологии в пространстве новых планов имманенции и неортодоксальных концептуальных персонажей. Думаю, что данная книга представляет собой глубокое и оригинальное исследование человека и общества, переживающих состояние «исторической продвинутости» и активно ищущих пути выхода из него.